

1

Ты заходишь в магазин. Аккуратно придерживаешь дверь. Смущенно улыбаешься, как хорошая девочка. Ногти без яркого лака, бежевый джемпер с треугольным вырезом — и не разглядеть, есть ли на тебе лифчик. Ты вся такая чистая, что в голову сами лезут грязные мысли. Мурлычешь мне «привет», хотя большинство покупателей просто проходят мимо. В свободных джинсах, розовых, как наивный маленький поросенок из детской книжки «Паутинка Шарлотты». И откуда ты такая взялась?

У тебя правильное лицо и стройная фигура — ты моя персональная Натали Портман из последней сцены фильма «Близость», посвежевшая после расставания с плохими английскими парнями, вернувшимися домой в Америку. Твой дом — я, и ты вернулась ко мне в 10:06 во вторник. Ты возникла в моем мире, и мне стоило бы принять таблетку лоразепама, но он внизу. А я не хочу уходить. Хочу не отрываясь наблюдать, как ты грызешь ноготь и поворачиваешь голову влево — нет, не то! — снова покусываешь розовую плоть, вскидываешь брови, смотришь вправо — опять не то! — биографии тебя не интересуют, но, хвала небесам, ты не из тех, кто сразу бросается спрашивать. Ты проходишь вглубь и останавливаешься у полок с художественной прозой.

О да.

Успокоенный, я отворачиваюсь. Ты не из тех вездесущих закомплексованных нимф, которые покупают Фолкнера и потом, ни разу не открыв, годами держат его на прикроватной тумбочке лишь ради того, чтобы внушить случайным мужчинам, подцепленным на одну ночь, будто они не спят с кем попало и вообще не такие. Ты реально другая! Не выставляешь напоказ Фолкнера и не носишь джинсы в обтяжку. Для Стивена Кинга — слишком улыбчивая и загорелая, для Хайди Джулавиц — не слишком модная. За чем же ты пришла?

Чихаешь на весь магазин. Я представляю, как ты, должно быть, громко кончаешь, и кричу:

— Будьте здоровы!

Ты хихикаешь и кричишь в ответ, негодная, похотливая девчонка:

— Спасибо, приятель.

Приятель? Ты флиртуешь?! Если б я торчал в «Инстаграме», непременно запостил бы фоточку стеллажа, за которым ты скрылась, с подписью «Да, я нашел ее».

Стоп, Джо, спокойней. Они не любят, когда парни заводятся сразу. Хвала небесам, к кассе подваливает какой-то типчик с очередным Сэлинджером. Сколько ему? На вид около тридцати шести. И он собирается читать «Фрэнни и Зуи»? Серьезно? Нет, какое там! Сэлинджером он прикрыл Дэна Брауна, лежащего снизу. Я давно работаю в книжном и привык, что люди стыдятся себя. Первым я прошу подать Дэна Брауна таким тоном, будто это детское порно, говорю, что «Фрэнни и Зуи» — охрененная книжка, типчик кивает, а ты все еще выбираешь: я вижу твой бежевый свитер за стеллажом. Если ты потянешься еще капельку выше, то оголится живот. Увы, ты берешь книгу со средней полки и садишься в проходе. Я представляю, что ты останешься здесь до закрытия, как Натали Портман в фильме «Там, где сердце» (снятом на удивление при-

лично по отстойному дамскому романчику). И найду тебя ночью среди книг. Только, конечно, ты не будешь беременной, а я не буду увальнем. Я наклонюсь и скажу: «Извините, мисс, мы закрыты», а ты посмотришь на меня и улыбнешься: «А я не закрыта... Я распахнута настежь, приятель».

— Эй! — влезает типчик. Он еще не ушел? — Где мой чек?

— Извините.

Выхватывает бумажку с ненавистью, но не ко мне — к себе. Люби люди себя хоть чуточку больше, сфера обслуживания не была бы такой выгребной ямой.

— И не строй из себя умника! Ты просто продаешь книги. Не издаешь, не пишешь и даже не разбираешься в них как следует, иначе работал бы в каком-нибудь месте получше. Так что не ухмыляйся и пожелай мне хорошего дня!

Мне все равно, что он там лепит, этот тайный любитель конспирологического чтива. Но его слышишь ты. Ты как раз появляешься из прохода с милейшей улыбкой Натали Портман. Я смотрю на тебя. Ты смотришь на него, а он смотрит на меня, ожидая.

— Хорошего дня, сэр, — выцеживаю я с улыбочкой, и он еще больше ненавидит себя за то, что всплыл из-за такой ерунды.

Когда за ним закрывается дверь, я выкрикиваю, ведь ты слушаешь:

— Детективы — как раз твой уровень, придурок!

Ты улыбаешься, а я радуюсь, что сейчас утро: по утрам у нас всегда пусто — никто не помешает. Тыставишь корзину с книгами на прилавок и с вызовом спрашиваешь:

— Меня тоже оцените?

— Ну и урод, да?!

— Может, просто не в духе.

Как мило! Стараешься разглядеть в людях лучшее. Ты мне подходишь.

— Если б не такие придурки, — начинаю я, хотя мне стоило бы заткнуться, и я хочу заткнуться, но не могу, — этот бестселлер давно уже отправился бы на свалку.

Ты смотришь на меня с интересом, а я хочу разузнать о тебе все, однако спросить не решаюсь, поэтому продолжаю нести чушь:

— Все мечтают стать лучше: скинуть пару килограмм, прочитать пару умных книг, сходить в музей, полюбить классическую музыку... А на деле хотят только жрать пончики, полистывать журналы и слушать попсу. А бумажные книги? Кому они нужны? Все читают с экрана. И знаешь почему?

Ты смеешься и мотаешь головой, хотя другая на твоём месте давно слилась бы, уткнувшись в телефон. А ты слушаешь меня! И ты красивая.

— И почему же?

— Я скажу почему. В Интернете теперь можно найти любую порнушку..

Черт! Я сказал «порнушка», вот идиот! Но ты все же слушаешь, что за умница!

— Больше не надо идти в прокат и мямлить, глядя в глаза консульганту, что любишь пожестче. Зрительный контакт — вот то, что не дает нам оскотиниться.

У тебя огромные миндалевидные глаза, и я не могу остановиться:

— То, что держит в узде.

На пальце у тебя нет обручального кольца, и я продолжаю:

— То, что делает нас людьми.

У тебя ангельское терпение, и мне надо бы замолчать, но я не в силах.

— Электронные книги сделали то же самое с чтением. Исчезла система сдержек и противовесов. Теперь

можно не стесняясь прилюдно читать Дэна Брауна: все равно никто не видит обложки. Конец цивилизации! Но...

— Всегда есть какое-нибудь «но», — вставляешь ты с улыбкой. Готов поспорить, у тебя большая дружная семья, в которой все то и дело обнимаются и поют песни у костра.

— Но книжные магазины — ее последний оплот, ведь вся музыка и фильмы давно в Интернете. Больше нет видеосалонов с умниками-консультантами, которые цитируют Тарантино, фанатеют от Дарио Ардженто и обдают вселенским презрением любителей мелодрам с Мег Райан. Взаимодействие между покупателем и продавцом, сам акт покупки — главный механизм регулирования. Без него все развалится, это очевидно.

Не уверен, что тебе так же очевидно, как и мне; впрочем, ты не попросила меня заткнуться и даже кивнула.

— Музыкальные магазины были эквалайзером вкусов, а их продавцы с презрительным взглядом «Что это у вас? Тейлор Свифт?» — хранителями культуры. И не важно, что, приходя домой, они сами дровичили на эти поющие трусы.

Ты смеешься. Надо мной или вместе со мной?

— В общем... — начинаю я. Только скажи, и я замолкну.

— В общем... — повторяешь ты и ждешь, чтобы я продолжил.

— Пожалуй, только приходя в магазин, мы честны перед собой. Этот парень явился сюда не за Дэном Брауном. Или Сэлинджером. Он явился, чтобы исповедаться.

— А ты, значит, священник?

— Нет, я — церковь.

— Аминь.

Ты смотришь в свою корзину и, наверное, считаешь меня сумасшедшим. Я тоже заглядываю в корзину и вижу твой телефон. На стекле трещина. Желтый чехол. Похоже, ты из тех, кто ждет, пока гром не грянет. И лекар-

ства, поди, начинаешь пить только на третий день простуды. Я беру твой телефон и пытаюсь пошутить:

— Стянула у того парня?

Ты выхватываешь его у меня из рук и краснеешь.

— Это мой. Я плохая мамочка...

Мамочка? Ах ты, негодница! Я люблю такие игры.

— Да брось.

На твоем лице улыбка, а под джемпером точно нет лифчика. Ты выкладываешь книги на прилавок, опускаешь корзину на пол и смотришь на меня так, будто боишься критики. Соски напряглись, ты даже не пытаешься их прикрыть. Замечаешь мармеладки рядом с кассой.

— Можно? — Протягиваешь руку.

— Конечно.

Я сглатываю и достаю первую книгу. «Невозможный отпуск» Сполдинга Грея.

— Интересный выбор. Обычно берут его монологи, а эту книгу редко — особенно симпатичные девушки без суицидальных замашек, как у автора.

— Просто иногда тянет на темную сторону.

— Это точно, — киваю я.

Будь мы подростками, я бы тебя поцеловал. К сожалению, между нами прилавок и мы уже слишком старые для детского безрассудства. А для взрослых ночных игр еще слишком светло: солнце так и шпарит в окна. Черт, разве в книжном не должен царить приятный полумрак?!

Не забыть: пусть мистер Муни закажет жалюзи. Шторы. Да что угодно.

Я беру вторую книгу. Один из моих любимых писателей! Пола Фокс, «Отчаянные характеры». Хороший знак. Впрочем, радоваться рано: вдруг ты пришла к этому автору не как положено, через эссе Джонатана Франзена, а потому что прочитала в каком-нибудь дурацком блоге, что Пола — биологическая бабушка Кортни Лав.

Ты достаешь кошелек и замечаешь:

— Пишет великолепно, только — удивительно! — про нее никто не знает, хотя Франзен и расхвалил ее как мог.

Хвала небесам! Я улыбаюсь.

— «Западное побережье».

Ты отводишь взгляд.

— Не бывала.

Я смотрю на тебя в упор, ты поднимаешь руки, сдаваясь.

— Не стреляй!

Хихикаешь, а я хочу, чтобы твои соски снова напряглись.

— «Западное побережье» обязательно прочту, а «Отчаянные характеры» уже, наверное, наизусть знаю. Это для друга.

— Ясно, — киваю я, а в мозгу загорается красная лампочка. Для друга!

— Только он ее, наверное, и не прочтет... Зато хоть лишний экземпляр продается.

— Да.

Я готов набить морду этому уроду. Возможно, это твой брат, или отец, или сосед-гей, но ты назвала его другом. Я утыкаюсь в калькулятор.

— Тридцать один доллар пятьдесят один цент.

— Ого! Вот почему все переходят на электронные книги, — вздыхаешь ты, раскрываешь свой поросяче-розовый кошелек и вручаешь мне кредитку, хотя я вижу, что у тебя достаточно наличных. Значит, ты хочешь, чтобы я узнал твое имя. Намек понял. Выхватываю карточку. Молчание затягивается. Черт, почему я не поставил сегодня музыку? И в голову ничего не приходит. У тебя нет парня. Точно. Иначе б тебе не надо было покупать второй экземпляр Фокс, он мог бы взять твой.

— Пожалуйста. — Я протягиваю чек.

— Спасибо, — шепчешь ты. — У вас классный магазин.

Ставишь подпись. Твое имя — Джиневра Бек. Очень поэтично — ну у тебя родители и придурки... Джиневра! Серьезно?

— Спасибо, Джиневра.

— Все зовут меня Бек. Джиневра — слишком длинно и вычурно.

— Ого, Бек, я представлял тебя гораздо брутальнее. Всегда хотел сказать, альбом «Митнайт вулчэрс» — просто чума.

Ты забираешь пакет с книжками, не отводя взгляда, потому что хочешь видеть, как я смотрю на тебя.

— Да-да, Голдберг.

Ты прочитала мое имя на бейджике.

— Все зовут меня Джо. Голдберг — слишком длинно и вычурно.

Мы смеемся. Я тебе тоже понравился, иначе ты не стала бы читать мое имя.

— Может, и «Западное побережье» прихватишь?

— Нет, берегу ее на потом, она у меня в отдельном списке — для дома престарелых.

— Что-то типа «успеть перед смертью»?

— Нет, совсем другое. Это не про то, чтобы хоть раз прыгнуть с парашотом или побывать в Нигерии, а скорее прочитать «Западное побережье», посмотреть «Криминальное чтиво», послушать последний альбом «Дафт панк»...

— Не могу представить тебя в доме престарелых.

Ты краснеешь. Точь-в-точь невинный поросенок из «Паутинки Шарлотты». Я окончательно влюбляюсь.

— Пожелаешь мне хорошего дня?

— Хорошего дня, Бек.

Улыбаешься.

— Спасибо, Джо.

Ты пришла сюда не за книгами, Бек. Ты называла меня по имени. Улыбалась, слушала, болтала. И расплатилась не наличными или дебетовой картой. На чеке осталась твоя подпись. Вот она, передо мной. Я прижимаю палец к еще влажным чернилам, и твое имя отпечатывается у меня на коже.

2

Я узнал об Эдварде Эстлине Каммингсе так же, как большинство моих наиболее чутких и умных сверстников: из самой романтической сцены в одном из самых романтических фильмов всех времен: «Ханна и ее сестры» Вуди Аллена, где ньюйоркец-интеллектуал Элиотт (в исполнении Майкла Кейна) признается в любви сестре своей жены (в исполнении Барбары Херши). Ему нельзя действовать в открытую, поэтому он караулит девушку и подстраивает случайную встречу на улице. Тонко, умно, романтично — ради любви можно потрудиться. Вместе они идут в книжный магазин — улавливаете параллель? — где он покупает ей книгу Э.Э. Каммингса и просит прочитать стихотворение на странице сто двенадцать.

Потом нам показывают, как она сидит одна у себя на кровати с книгой, а он стоит у себя в ванной и думает о ней. Мы слышим, как она читает. Моя любимая строчка: «Ни у кого, ни у дождя даже, нет таких маленьких рук».

Кроме тебя, Бек. За эти несколько дней я узнал все. Ты часто пускаешь в ход свои маленькие ручки, и это вновь напомнило мне о «Ханне и ее сестрах»: в одной из сцен Миа Фэрроу дразнит Вуди Аллена, что безудержная мастурбация его загубит. С тобой, я надеюсь, такого не случится.

Проблема лишь в том, что нас вряд ли поймут. Узнай кто-нибудь, что ты кончаешь по три раза за ночь в пол-

ном одиночестве, а я наблюдаю за тобой также в полном одиночестве, и меня сочтут извращенцем. Однако люди в большинстве своем — конченные идиоты, которые любят дешевые секреты и ни разу не слышали про Полу Фокс и «Ханну и ее сестер». Так что, Бек, к черту этих уродов, верно?

Мне нравится, что ты предпочитаешь справляться сама, а не наполняешь свой дом и вагину чередой убогих придурков. Ты — живое опровержение тошнотворной банальщины о засилье беспорядочных половых связей. У тебя есть принципы, и имя твоё — Джиневра. Ты ждёшь того самого — Единственного. Готов спорить, так и говоришь про себя «Единственный», когда мечтаешь о нём. Обо мне. Люди нетерпеливы, они хотят все и сразу, а ты — с такими маленькими руками — готова ждать.

Да будет благословенно имя твоё. На наше счастье, в мире оказалась не так уж много Джиневр Бек. Точнее, всего одна.

Первое, что я должен был выяснить, — откуда ты родом, и, хвала Интернету, теперь, Бек, я знаю о тебе все. Найти твой профиль в «Твиттере» не составило труда:

«Джиневра Бек
@TheUnRealBeck

Не держу невысказанных мыслей. Сочиняю истории. Читаю истории. Болтаю с незнакомцами. Нантакет¹ — мой дом, Нью-Йорк — содом».

На других сайтах нашлись откровенные посты (или эссе, как ты их называешь) в блогах, недвусмысленные дневниковые записи (или рассказы) и пронзительные стихи.

Ты писательница. Родилась и выросла в Нантакете. Отпускаешь шуточки про островное кровосмешение

¹ Нантакет — остров в Атлантическом океане, расположен в 48,3 км к югу от м. Кейп-Код и в 24 км к востоку от о. Маргас-Вингьярд. Входит в состав шт. Массачусетс.

(но сама к нему отношения не имеешь), мореплавание (хотя сама боишься кораблей) и героин (твой отец колелся). У тебя дружная семья, потому что все живут порознь. Тебе трудно приходится в городе, где никто никого не знает, хотя ты и переехала сюда уже четыре года назад, поступив в Брауновский университет. Была зачислена каким-то чудом из списка ожидания и сама до сих пор не веришь своей удаче. Любишь поленту и злаковые батончики со вкусом вишневого пирога. Не фотографируешь еду и концерты, но «Инстаграм» ведешь — выкладываешь старые снимки отца и свои детские фото. У тебя есть брат Клайд — ого, да твои родители точно чокнутые — и сестра Аня — нет, ну реально чокнутые, только немного иначе, чем я вначале предполагал. Согласно кадастровым записям, родительский дом всегда принадлежал твоей семье. Твои предки были фермерами, и ты любишь по случаю упомянуть, что они обжили Нантакет, а не просто осели в нем. Сплошные уточнения, предупреждения и оговорки, как на пачке сигарет, — многовато для профессионального литератора.

Аня живет на острове и никуда уезжать не собирается. Хочет только гулять по пляжу и наблюдать, как волны туристов со сменой сезонов то затопляют остров, то откатывают от него. Она совсем тронулась из-за отца. Ты постоянно пишешь о ней в своих рассказах, выставляя то мальчиком, то слепой старухой, то однажды потерявшейся белкой. Но меня не обманешь: ты думаешь о ней. Завидуешь ей. Жалеешь ее. И все потому, что у нее нет амбиций.

Клайд — из вас старший. К нему перешел семейный бизнес: островная служба такси. Он женат, имеет двоих детей и не колется, максимум покуривает. Это видно по его фотографии в местной газете: крепкий, загорелый среднестатистический американец, добровольный